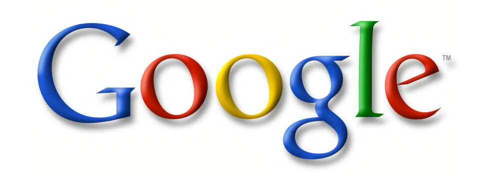
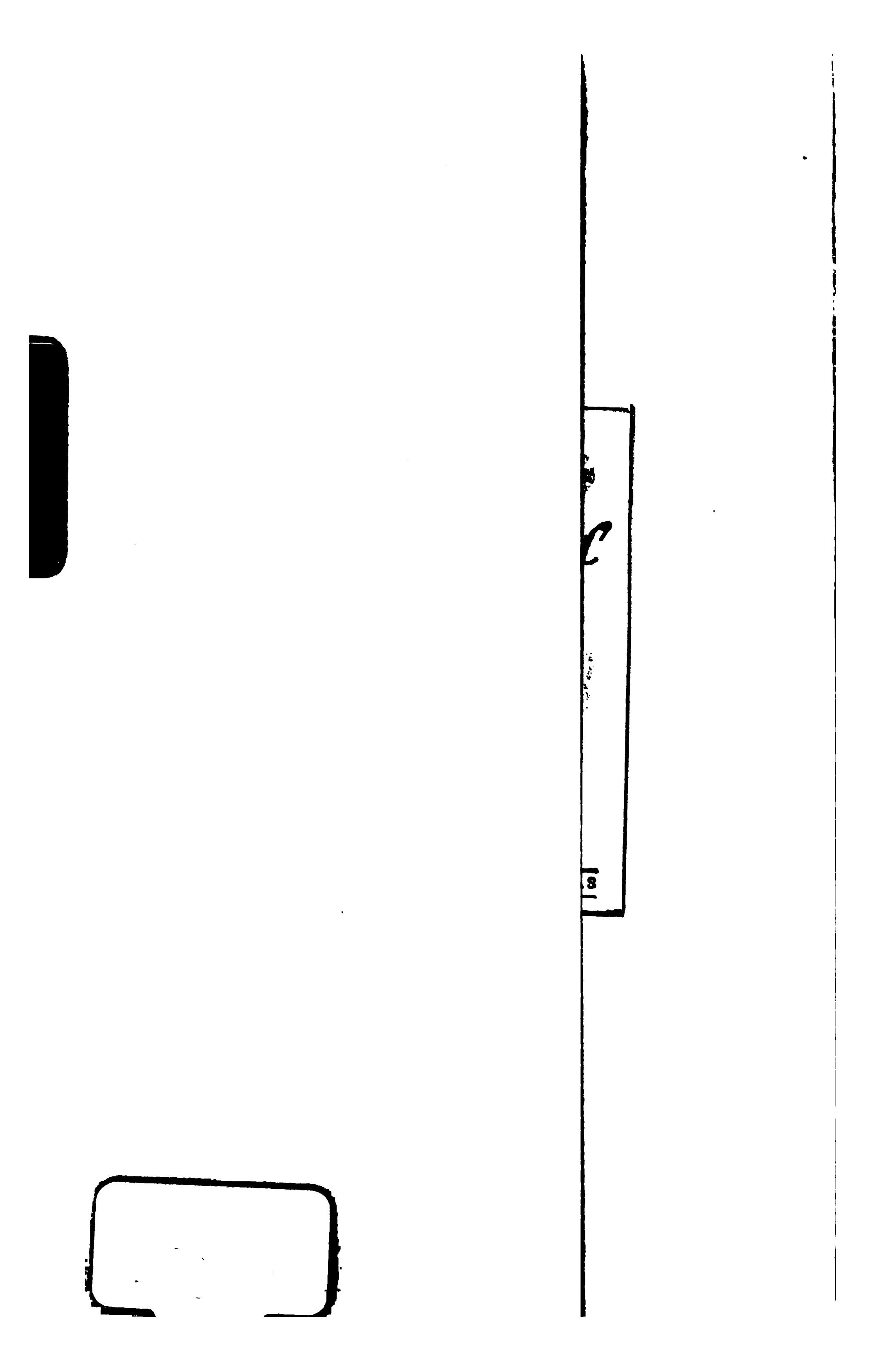

OPB

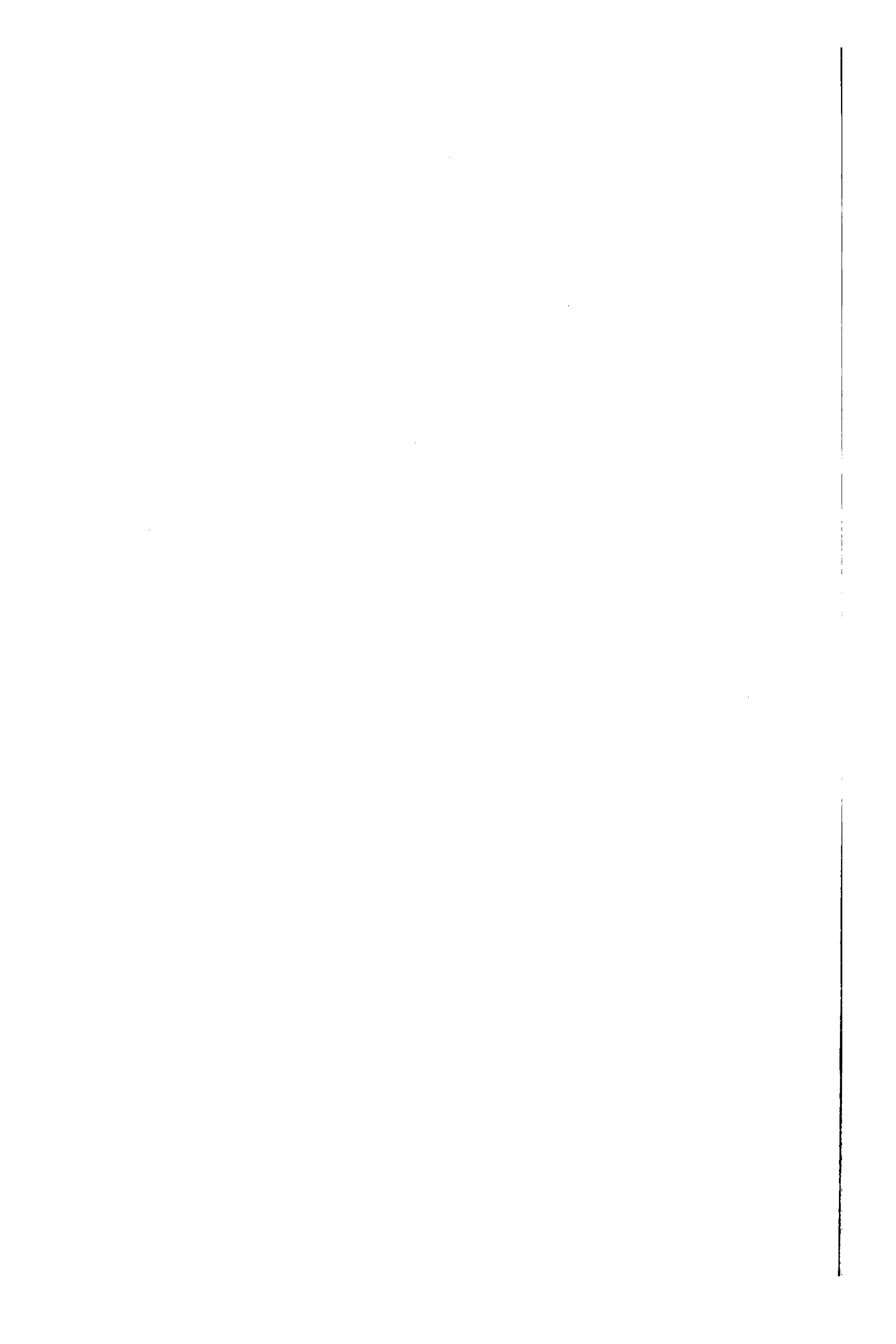
SLOVO O POGIBELI RUSKYIA ZEMLI

Khisanf Loparev

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

W014502

61-362719

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

LXXXIV.

СЛОВО
О
ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ

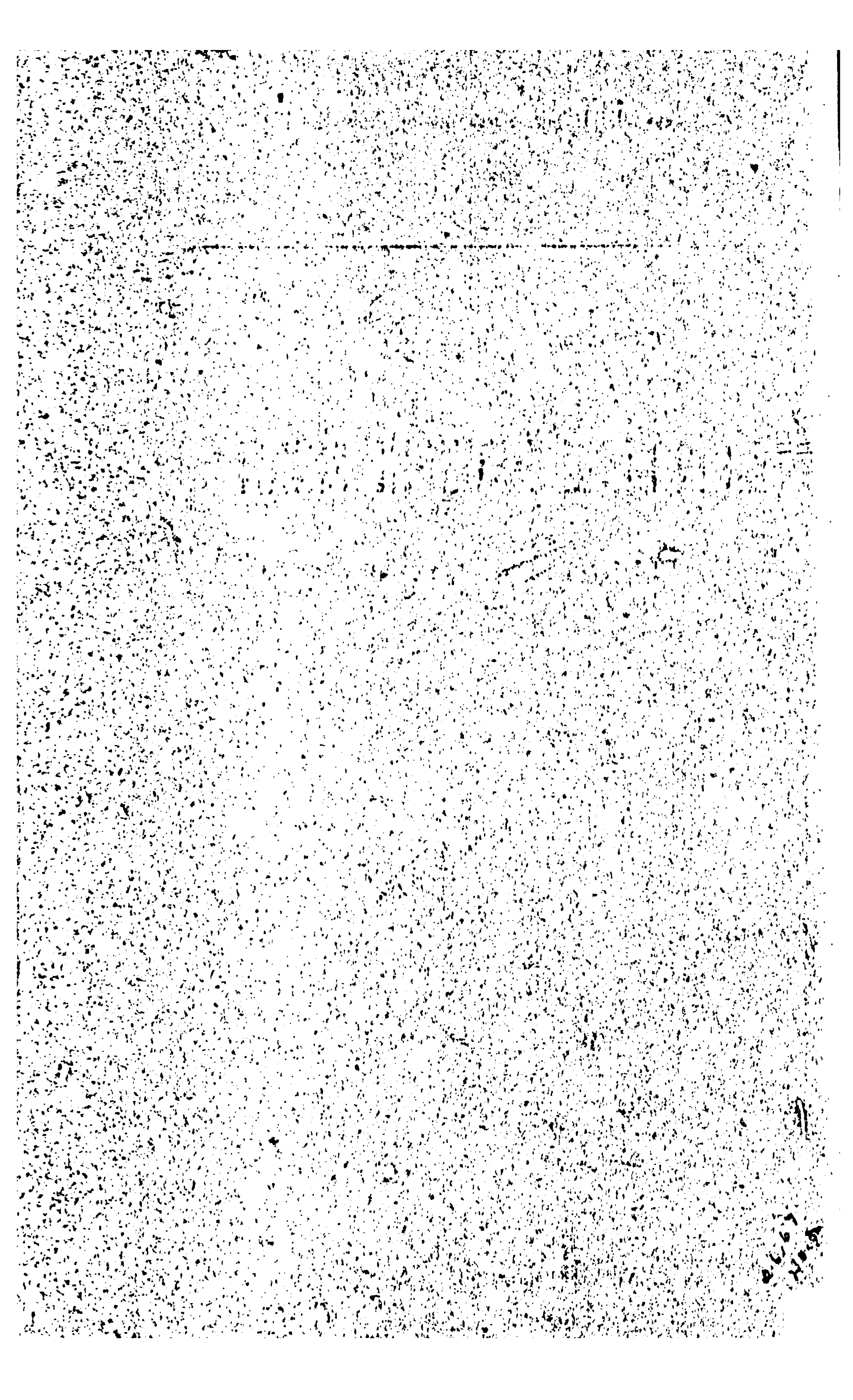
ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIII ВѢКА

сообщеніе
Хрусанфа Лопарева

1892

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

LXXXIV

СЛОВО
О
ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XIII ВѢКА

Loparev, Khrisanf Mefodievich.

СООБЩЕНІЕ
Хрисанфа Лопарева

1892

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Секретарь *Хр. Лопаревъ*.

Типографія В. С. Балашева. Спб., Екатерининскій каналъ, 80.

Слово о погибели рускыя земли.

«Что историческія сказанія о нашествіи Татаръ на Русь дѣйствительно были, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, два современника—иностранца. Одинъ изъ нихъ упоминаетъ о священникѣ русскомъ, передававшемъ ему свѣдѣнія о Татарахъ; другой сообщаетъ довольно подробно историческіе и этнографическіе разсказы о Татарахъ русскаго епископа Петра. Сказанія русскихъ лѣтописцевъ того же времени даютъ также знать о существованіи такихъ сказаній о Татарахъ. Есть между прочимъ повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань» [1].

Нынѣ предлагается начало другаго, къ несчастію утраченнаго, сказанія о томъ же предметѣ, написаннаго около 1238 года и сохранившагося въ рукописи XV вѣка.

Рукопись эта хранится въ ризницѣ Псковскаго Печерскаго монастыря, безъ №, въ четверку, на 247 листахъ, писанныхъ одною рукою и перемѣченныхъ 8 декабря 1891 года о. архимандритомъ Иннокентіемъ. Изъ записей на ней

[1] *И. И. Срезневск*: Древніе памятники русскаго письма и языка. Спб. 1882, ст. 112—113. Повѣсть о приходѣ Батыя во «Временникѣ», XIV, и у *Срезневскаго*: Свѣдѣнія и замѣтки. I, iv. 77—94. Нѣсколько свѣдѣній, впрочемъ, легендарнаго характера о Батыѣ въ Костромѣ можно почерпнуть изъ сочиненія костромскаго игумена Кирилла 1670 года (см. его Сказаніе о Ѳеодоровской иконѣ Богородицы: рук. Импер. Общ. Люб. Др. Письм., F. CXXXVI).

можно прочитать лишь: гдиѹ моемѹ степанѹ—гдрнѣ книнѣ. Содержаніе ея слѣдующее:

1ª. ...мкоже рече и затворнста двери ѡградимый... Повѣсть о Сусаннѣ и Видѣнія Даніила. Ср. Опис. рук. Солов. мон., хранящихся въ библ. Казанской Дух. Акад., I. 160; II. 116 и проч. Греческій текстъ повѣсти о Сусаннѣ, авторъ котораго Астерій еп. Амасійскій, напеч. у *Combefis*: Auctarium novum, I. 95.

45ª. к. Мца септеврнѧ въ .а҃ днь жи҃е. стгѡ семеѡна столпника. блгѡслѡви ѡ. Страшна и дивна. Ср. Макаріевскія Минеи Четіи, 8—19; не искахѡмо; в рѹсѣ (в Сиріи 15).

54ᵇ. г. Наказание ста иларишна ѡ ѿрекшийсѧ мира хр҃а ра҃. еѹлоисѡ патерие. Къ старѣишомѹ ми братѹ и хвѹ равѹ ѹбогыи азъ инокъ. Наказаніе Иларіона Пелекитскаго († 754) напеч. въ Потребникѣ иноческомъ 1639 года и въ Прибавл. къ твор. св. отецъ, 1844, II. 220 и слѣд. Иларіонъ пишетъ: не бѣ въ афинѣх въздрасто ни навыко хитрѡсловью и (у насъ Даніилъ Заточникъ: «Азъ бо аще не во Аѳинѣхъ растохъ, ни у философъ учихся»).

66ᵇ. д. Мца ѡктоврнѧ вь .кв стыи седми ѡтрокъ иже въ ефесѣ. блгви ѡче авгѹ въ. д сие чтетс:. Когда бѫірнсѧ декии црь. Ср. Макаріевскія Минеи—Четіи, 1773—1793.

80ª. е. Мца септеврнѧ .к. жи҃е и мчние сты мчнкъ. іѹстаднѧ и жены е ча его блгослови ѿ. Въ днехъ црѧ троѧна. Значительныя отмѣны отъ напеч. въ Макаріевскихъ Минеяхъ—Четіяхъ, 1286—1298; повидимому, это другой переводъ.

88ª. ѕ. Мца іоулѧ .кд сказание і стрть стѹю мчнкѹ бориса и глѣба. блгви ѡче. Родъ праведны блгвитсѧ. Напеч. у *Срезневскаго*: Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Спб. 1860, 41—60, 63—69. Не безъ важныхъ варіантовъ.

Рукопись:	*Оболенскій, снимокъ:*	*П. С. Р. Л. I. 59:*
Сии ѹко володимеръ имѣꙑ сн҃къ. кг҃. а не ѿ единою жены. но ѿразличнихъ мт҃рии книхъ же кѣ старѣи кꙑшеславъ. и по немъ ижеславъ. третии шканный с҃тополкъ ... ѿ рогодины же имаше. д҃. с҃ны ижеслава. мьстислава. ꙗрослава. кеволода. а ѿ иныꙗ. с҃тослава. болеслава изѧслава. а ѿ когарыни̂ бориса и глѣба... того ѹко посѧ̂ шканнаго с҃тополка къ кнѧженьи пѣньскѣ. кꙑшеслава к великомъ новѣ городѣ. по кꙑшеславлѣ смерти ꙗрослава к новѣ городѣ. борнса къ ростокѣ. глѣба к мѹромѣ. изѧслава к деревѣхъ. мьстислава к полотьсцѣ. всеко-	Се оуко володимеръ имѣꙗше сн҃къ .кг҃. не ѿ единоѣ жензі нъ ѿ расих мт҃ръ ихъ. к иихъ же баше старзіи кꙑшеславъ. а по немь изѧславъ .г҃. и с҃тополкъ... а ѿ рогоиндзі .д҃. сн҃зі имѹіра. изѧслава и мѣстислава. и всеволода. и ѿ онои всеслава и мьстислава. а ѿ болгаринѣ бориса и глѣба... посади оуко... с҃тополка къ пиньскѣ къ кн҃жнии а ꙗрослава к новѣ городѣ. а бориса к ростокѣ. а глѣба к мѹромѣ. из сихъ останѹ много гл҃ти. (Стоитъ только сличить текстъ воспроизведенной рукописи съ транскрипціею самого издателя, чтобы видѣть,	Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава въ Новѣ городѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ; умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣ городѣ, посадиша Ярослава Новѣ городѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мьстислава Тмуторокани.

можно прочитать лишь: гдиѹ моємѹ степанѹ—гдрикѣ кианикѣ. Содержаніе ея слѣдующее:

1ª. ...ıакоже рече и затворивста двери ѿградныѧ... Повѣсть о Сусаннѣ и Видѣнія Даніила. Ср. Опис. рук. Солов. мон., хранящихся въ библ. Казанской Дух. Акад., I. 160; II. 116 и проч. Греческій текстъ повѣсти о Сусаннѣ, авторъ котораго Астерій еп. Амасійскій, напеч. у *Combefis*: Auctarium novum, I. 95.

45ª. в҃. Мц҃а септеврїа въ .а҃ днь жи҃е. ст҃гѡ семеѡна столпника. блг҃ѡслови ѿ. Страшина и дикна. Ср. Макаріевскія Минеи Четіи, 8—19; не искахѡмо; в рѹсѣ (в Сиріи 15).

54ᵇ. г҃. Наказание ст҃а иларисѡна ѡ ѿрекшиисѧ мира х҃а ра҃. євлоиєвѿ патерие. Въ старѣишомѹ ми братѹ и х҃вѹ рабѹ ѹбогыи азъ инокъ. Наказаніе Иларіона Пелекитскаго († 754) напеч. въ Потребникѣ иноческомъ 1639 года и въ Прибавл. къ твор. св. отецъ, 1844, II. 220 и слѣд. Иларіонъ пишетъ: не бѣ въ афинѣ възрасто ни навыко хитрѡсловьи и (у насъ Даніилъ Заточникъ: «Азъ бо аще не во Аѳинѣхъ растохъ, ни у философъ учихся»).

66ᵇ. д҃. Мц҃а ѡктоврїа вь .кв҃ ст҃ы седми ѿрокъ иже въ єфесѣ. блг҃ви ѿч҃е авгѹ въ. д҃ сие чтетѣ:. Когда вьцѣрисѧ декии црь. Ср. Макаріевскія Минеи—Четіи, 1773—1793.

80ª. е҃. Мц҃а септеврїа .к҃. жи҃е и м҃чние ст҃ы м҃чнкъ. їѹстаѳиа и жены є ч҃а его блг҃ослови ѿ. Въ днеⷯ цр҃а троѧна. Значительныя отмѣны отъ напеч. въ Макаріевскихъ Минеяхъ—Четіихъ, 1286—1298; повидимому, это другой переводъ.

88ª. ѕ҃. Мц҃а иоулѧ .кд҃ сказание і стрть ст҃ѹю мчнкѹ бориса и глѣба. блг҃ви ѿч҃е. Родъ праведныⷯ блг҃витсѧ. Напеч. у *Срезневскаго*: Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Спб. 1860, 41—60, 63—69. Не безъ важныхъ варіантовъ.

155а. Повѣсть полезна ѿ древнѧ списании сложена. въспоминание являющи преславно бывшаго чюдеси. єгда перси и варвари црьствоующий градъ ѡбьлегоша бранию... Вполнѣ сходно съ напеч. въ Тріоди, М. 1872, л. 412 об.—417 об.; положи (изд.: постави)—воя; яже надерза на разореніе; каганъ; варварьскымъ языкомъ мнокси нарицаются.

167а. И̑ въ стаго оца наше їѡа архиєппа костантина гра златоуста, сло на блгвщение прстыя вцѧ и прно двы мриꙗ. ѿ блгви:. Пакы радости благовѣстия.

173б. ві. Мца марта въ .ке днь на благовѣщеніе престыя влчца. сло стго їѡа златоуста патріарха костантина гра. ги блгви ѿ: Црьскыхъ таинъ празньство.

179б. ві. Сло в чв великый стго архиєппа євсевиꙗ алевсандрьска. и и ѿ прчьскый сказании: Възлюбленнии добро єсть рещи.

190б. зі. И въ стго оца наше єпифаниꙗ архиєппа кипрьска сло въ стоую великую соуть: о погребении тѣла га наше їсъ ха. и ѡ иѡсифѣ и ѿ аримафея. и ѡ никодимѣ и ѡ оусьпении га наше їс ха гробнѣ по спсенои смрти дивнѣ бывшю. блгви ѡче:. Что се днь безмолвие много на земли.

209а. ні. Мца ѡктябра .к.з ді, памѧ прпбныя параськовии блгви ѡче. Си стая прпбная параскевгiа. Проложное сказаніе (Прологъ, М. 1877, л. 89 об.—90).

211а. аі. Мца. маия въ .е. днь. памѧ стыя великомчци ирины. Мечемъ оумерши пожившиꙗ странно мирно оумерла еси абье ирино ирина посѣчена бывши безъ ѡбращениꙗ. и оумерши въ е. Та бяше дщи єдинорона ликиниꙗ василиска. и ликинию мтре. ѿ града магедоньскаго. пинелопии перве ѿ родителей именовашеся. бяше же тѣломъ лѣпа. и красотою многыя пришьшиꙗ. на высоцѣ столпѣ пребываше. єгоже ѡць

ѥѧ съз҃далъ бѧше. съ ѡтроковицами прекрасными тринаї ю. мн҃ого и неискоудно въ и҃зобиловании. Житіе значительно сокращено. Конецъ онаго: градове же идеже пострада соуть сии. магедонъ ѿчьство ѥѧ. калиникъ. контантина. и месимьрина. и мчн҃иа же ѥѧ въспоминаніа (ради) синеа. апелианъ оучт҃ль ѥѧ.

215ª. Въ той дн҃ь ст҃ыѧ пелагии и ѿ тарса. Стр҃тноую пꙋчинꙋ прелюбвии пелагиа и си сꙋгꙋбь плаканїю тѣло вдавшиѧ ѡгню. Сиѩ бѧше при диоклитїанѣ цр҃и.

215ᵇ. к. М҃ца нояб҃ра. кз дн҃ь мꙋченїе ст҃го мчка иакова перьскаго. бл҃гви ѡч҃е: Бѣяше нѣкто именемъ иаковъ.

227ᵇ. ка. М҃ца ноемврия .кѕ. кд мниѥ ст҃ыѧ ѥкатерины и віргиниѧ и кѣтїа ѡч҃е бл҃гви. Лѣта третїагонадесатенпатого.

243ᵇ. кк. Слово ѿ погибели роускыѧ зе҃мли ѿ смерти велико҃ кнѧзѧ ярослава. Послѣ небольшой статьи начинается безъ заглавія повѣсть о житіи Александра Невскаго, напечатанная цѣликомъ въ П. С. Р. Л. I. 204—206 (безъ конца); III. 52; V. 2—6, 176, 191 и въ Памятникахъ Древней Письменности, 1882, вып. XXXVI. Средина житія вырвана.

Важность этой статьи передъ повѣстью объ Александрѣ отмѣчена была только въ 1878 году; на крышкѣ рукописи, на самомъ деревѣ, читаемъ слѣдующія строки: «Родъ Пролога (?). Начинается исторіею о Даніилѣ пророкѣ (съ пробѣлами для рисунковъ)—безъ начала. Это 1-е слово. Всѣхъ словъ 22—сент., октябрь, ноябрь и декабрь, мартъ, апрѣль, май. Послѣднее слово О погибели рускія земли, О смерти великаго князя Ярослава (житіе Александра Ярославича Невскаго), только начало и конецъ, средины нѣтъ, вырваны

листы, весьма жаль; замѣчательное слово. Рукопись XVI (?) вѣка. Г. Псковъ, 24 маія 1878 г.»

Дѣйствительно, статья эта весьма любопытнаго и важнаго содержанія, которому не соотвѣтствуетъ заглавіе. Анонимный авторъ предлагаетъ Слово о погибели рускыя земли, а между тѣмъ даетъ описаніе могущества и красоты Руси до его времени, и только конечная фраза даетъ какое-то довольно неясное указаніе на «болѣзнь» христіанъ его времени. Мы въ правѣ предположить, что это только начало великолѣпной поэмы XIII вѣка, оплакивающей гибель Руси съ предварительнымъ прославленіемъ ея красоты и славы.

Отрывокъ озаглавленъ: «Слово о погибели рускыя земли по смерти великаго князя Ярослава», а оканчивается словами: «болѣзнь крестіяномъ... до ныняпнього Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерскаго». Судя по послѣднимъ словамъ, можно полагать, что авторъ писалъ во времена Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля-Залѣсскаго (1212—1238) и во времена его старшаго брата, великаго князя Владимірскаго Юрья Всеволодовича (1212 — 1216, 1219—1238), т. е. въ годину Татарскаго нашествія. Однако въ заглавіи отрывка Ярославъ названъ великимъ княземъ (1238 — 1247) и тутъ-же говорится о его смерти. Если Ярославъ *нынѣшній*, то значитъ преждевременно извѣстіе о его смерти, а если статья писана дѣйствительно послѣ кончины великаго князя Ярослава, въ такомъ случаѣ не понятно выраженіе «до нынлшняго Ярослава». Намъ кажется, что вся путаница происходитъ изъ-за заглавія, которое искажено переписчиками. Уже въ разсматриваемой рукописи писецъ недоумѣвалъ при написаніи заглавія, которое читалось вѣроятно: «з̃ѣи и ѿ смерти»; сначала онъ написалъ

«з̑ѣли (безъ пониманія древней формы) ѡ смерти», но потомъ передѣлалъ «ѡ смерти», въ «по смерти» и соединилъ отрывокъ безъ всякаго раздѣленія съ извѣстнымъ житіемъ Александра Невскаго. Передѣлка писца Псково-Печерской рукописи наводитъ на нѣкоторыя соображенія. Очевидно, этотъ писецъ имѣлъ въ рукахъ «Слово о погибели» въ томъ же объемѣ, въ какомъ мы имѣемъ его и теперь, или имѣлъ дефектную рукопись, въ которой было помѣщено: «Слово о погибели рускыя земли», «О смерти великаго князя Ярослава» и «О житіи великаго князя Александра», три статьи, родъ историко-литературной трилогіи, быть можетъ, одного автора (весьма важно, что въ древнѣйшемъ спискѣ всѣ три статьи слѣдуютъ одна за другою), объединенныя переписчиками однимъ общимъ заглавіемъ. Писецъ Псково-Печерской рукописи переписалъ заглавіе, но дойдя до словъ «до брата его Юрья. князя Володимерскаго» и продолжая списывать житіе Александра, замѣтилъ, что собственно о погибели земли русской и о смерти Ярослава ничего не говорится; кажется, этимъ соображеніемъ писца и объясняется передѣлка имъ несуществующаго «о смерти» на растяжимое «по смерти». Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ къ сожалѣнію потерянное «Слово о смерти великаго князя Ярослава» и извѣстное житіе Александра Невскаго, мы имѣемъ право допустить, что поэма, отрывокъ которой дошелъ до насъ въ единственномъ пока спискѣ, озаглавлена была авторомъ просто: «Слово о погибели рускыя земли» и представляла изъ себя, вѣроятно, историческое сказаніе о нашествіи Татаръ.

Авторъ Слова называетъ Переяславля-Залѣсскаго князя Ярослава *нынышнимъ*, ставя на второмъ мѣстѣ его старшаго брата и великаго князя Владимірскаго Юрья: ясное дѣло,

что онъ жилъ въ Переяславскомъ княжествѣ въ 80-хъ годахъ XIII столѣтія; но ни самъ авторъ, ни потомство не сохранило намъ его имени[1]. Пламенною рѣчью начинаетъ онъ свое Слово, вдохновенно говоритъ онъ о величіи и красотѣ Руси. Приступая къ описанію погибели земли русской, онъ, что вполнѣ естественно, горячо говоритъ сначала объ обиліи естественныхъ богатствъ родины, о славѣ Руси сто лѣтъ тому назадъ,—тѣмъ глубже становится пропасть между прошлымъ и современнымъ патріоту-автору положеніемъ. Анонимъ обращается къ землѣ русской съ такимъ же приблизительно восклицаніемъ, съ какимъ Ярославна въ «Словѣ о полку Игоревѣ» обращается къ солнцу: и свѣтла земля русская и красна она! Строки, посвященныя восхваленію красотъ Руси, раздѣляются на стихи съ опредѣленнымъ почти размѣромъ: вѣроятно, ихъ и пѣли въ старое время народные пѣвцы.

О свѣтло свѣтлая
И украсно украшена
Земля руськая!..

---

[1] Сближеніе сего автора съ Даніиломъ Заточникомъ, жившимъ также въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и во времена того же Ярослава Всеволодовича, какъ видно изъ древнѣйшаго списка Моленія, XV вѣка, имѣетъ за себя нѣкоторое основаніе, именно, что только въ Моленіи и въ Житіи Александра упоминаются ритори (рыцари), названіе которыхъ могъ употреблять лишь одинъ авторъ, и затѣмъ тутъ и тамъ авторъ называетъ себя рабомъ Ярослава и Александра; но противъ сей догадки говоритъ то, что по редакціи Моленія, признаваемой древнѣйшею, Даніилъ жилъ при Юрьѣ Долгорукомъ († 1157). Полагаютъ, что составителемъ Новгородской лѣтописи былъ пономарь Тимоѳей въ концѣ XIII вѣка, который подъ 1238 годомъ пользовался какимъ-то письменнымъ источникомъ, что весьма замѣтно изъ его оговорокъ: «мы жъ на предняя возвратимся». Не пользовался ли онъ потеряннымъ «Словомъ о погиболи рускыя земли»?

Кольцомъ окидываетъ авторъ границы земли русской, начиная отъ своего Переяславскаго княжества, идя къ Уграмъ, Ляхамъ, Чехамъ, Ятвягамъ, Литвѣ, Нѣмцамъ, Вядѣ, Корѣлѣ, Устюгу, Емчанамъ, Дышущему морю, Болгарамъ, Буртасамъ, Черемисамъ, Мордвѣ, кончая Половцами и Цaрегородомъ. Такимъ образомъ, переводя эти границы на современную географическую карту, мы можемъ сказать, что владѣнія Руси въ XII—XIII вѣкѣ, «по Слову», окаймлялись приблизительно Венгріею, Польшею, Литвою, Балтійскимъ побережьемъ, Финскимъ заливомъ и Финляндіею, губерніями Олонецкою, Архангельскою, Вологодскою, Костромскою, Нижегородскою, Казанскою, Пензенскою и Полтавскою.

Въ то время, говоритъ Слово, Половцы признавали свою покорность Владиміру, посредствомъ-ли отдачи ему своихъ дѣтей для воспитанія ихъ въ духѣ христіанства, или изъ страха передъ Мономахомъ, которымъ даже пугали своихъ дѣтей. Князья были столь грозны, что Литва не смѣла тогда выглядывать изъ своихъ болотъ, Угры строили укрѣпленія, дабы Владиміръ на нихъ не «възъѣхалъ», и только Нѣмцы (Шведы?) весело и радостно проводили жизнь, безъ боязни предъ Мономахомъ, ибо были далеко за моремъ; наконецъ ему же платили дань медомъ Мордва, Черемисы и другіе пограничные народцы. Такъ идеализируетъ Владиміра Мономаха «Слово о погибели рускыя земли». Провѣрить эти слова нѣтъ возможности,—скорѣе можно доказать, что на Владиміра перенесены черты позднѣйшаго времени, преимущественно XIII вѣка. Половцы пугали дѣтей своихъ Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ, а Татары—Александромъ Невскимъ; Половцы отдавали дѣтей своихъ князьямъ Игоревичамъ, а Ятвяги—Даніилу Галицкому. Литва и Угры стра-

шились не Владиміра главнымъ образомъ, а князей Галицкихъ, да и бортную дань Мордва не могла платить Мономаху, ибо восточные народы были покорены лишь Юрьемъ Долгорукимъ и сыномъ его Всеволодомъ.

Передъ Русью временъ Владиміра Мономаха (1113—1125), говоритъ Слово, трепетала и Византійская имперія съ ея царемъ Мануиломъ (1143—1180). Такое мнѣніе, не оправдываемое, впрочемъ, исторіею, находитъ себѣ мѣсто и въ былевой словесности и въ книжной литературѣ стараго времени [1]. Глубоко любопытна личность этого Мануила, и много связывается съ его именемъ легендъ и сказаній. «Старики разсказывали намъ, пишетъ историкъ XIII вѣка, что тогда люди жили какъ бы въ золотой вѣкъ, воспѣваемый стихотворцами» [2]. Военные подвиги его въ Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ осѣнили чело его лаврами, и слава о царѣ разнеслась далеко за предѣлы его царства. Казна была полна, Золотой Рогъ запруженъ чужеземными кораблями, золото обильнымъ потокомъ лилось изъ казначейства и, казалось, не было ему убыли. Мануилъ, этотъ западникъ и рыцарь на тронѣ Константина, проводилъ время или въ бранныхъ подвигахъ, возвращаясь въ столицу съ толпами плѣнниковъ, или среди веселыхъ и великолѣпныхъ пиршествъ. Сей «грозный» царь, будто бы Этмануйло Этмануйловичъ, принималъ пословъ Владиміра Кіевскаго, прибывшихъ для сватовства на его дочери, и позже сдѣлался тестемъ Влади-

---

[1] Ср. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ «Половцовъ и Волоховъ и Ставрики орды побѣди и Фони (Өракію) плѣни и градъ Кафу взя и къ Царю-граду войною ходилъ и царя греческаго Алексія Комина устраши, которой... несля къ нему въ даръ...“ (рук. Общ. Люб- Др. Письм. F. CXC. л. 43 об.).

[2] *Nicet. Choniat.* ed. Bonn. I. 78—79: ἀδομένας χρυσοῦς ἔννας; οἱ τότε ἦσαν παλινδρομήσαντες ἄνθρωποι.

міра [1]. Онъ же, въ образѣ Мануила Ягайловича, похищаетъ жену князя Романа Галицкаго [2]. Гордый силою и богатствомъ своего царства, онъ посылалъ будто бы посольство къ индійскому царю-пресвитеру Іоанну—узнать о силѣ и чудесахъ его земли, но получилъ такой отвѣтъ: «Скажите своему царю Мануилу: аще хощеши вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, и ты продай все царство греческое, да купи бумаги, да пріѣдь въ мое царство индѣйское съ своими книжники, и я дамъ списати чудеса индѣйскія земли, и не мочи тебѣ списати моего царства и до исхода души своея» [3]. Такъ унижаются въ былинѣ богатства Византіи! Историческій Мануилъ Комнинъ считалъ себя сюзереномъ галицкихъ князей (особенно Владимірка) и судіею въ дѣлахъ русской церкви; эпическій Мануилъ дрожитъ передъ Владиміромъ Мономахомъ и посылаетъ къ нему посольство съ дарами, чтобы Владиміръ не отнялъ у него Цареграда: такъ унижается въ былинѣ могущество того, кто мнилъ себя чуть не повелителемъ Руси! Анахронизмъ очевиденъ: во времена Владиміра Мономаха царствовалъ Алексѣй Комнинъ и сынъ его Калоіоаннъ; но о первомъ

---

[1] *Кирша Даниловъ*: Древнія Россійскія стихотворенія. М. 1818, стр. 86, 88, 89 (М. 1878, стр. 60 и сл.), 196—201. Этмануйло рисуется языческимъ королемъ Золотой орды.

[2] *Киръевскій*: Пѣсни. V. 92. *Ждановъ* (Пѣсни о князѣ Романѣ: Ж. М. Н. Пр. 1890. V. 42) пріурочиваетъ это имя къ польско-литовской исторіи; но связь *заморскию* Мануила съ имп. Мануиломъ не подлежитъ сомнѣнію.

[3] *Тихонравовъ*: Лѣтоп. русск. литер. и древности. М. 1859, II. 100; ср. *Порфирьевъ*: Исторія русской словесности. Казань 1886, стр. 89. И Аливуй (Ливуй, у мусульманъ Аліунъ, Лави, Левъ Мудрый), крещенный подъ именемъ Василія (Владиміръ Просвѣтитель) хотѣлъ даже идти въ Индію (*Бычковъ*. Описаніе рукописныхъ сборниковъ, I. 824).

изъ нихъ встарину на Руси знали вообще мало [1], а о его сынѣ и совсѣмъ ничего не знали. Не то было съ Мануиломъ. Извѣстно, что онъ присылалъ посольство съ дарами къ Ростиславу, прося его письмомъ назначить митрополитомъ грека Іоанна, и переговаривался съ германскимъ королемъ Конрадомъ III о наказаніи русскихъ, ограбившихъ и убившихъ нѣмецкихъ подданныхъ въ Россіи. Составилось сказаніе, что Мануилъ написалъ образъ Спасителя, извѣстный подъ именемъ золотой ризы, [2] и т. д.; очевидно, что на Руси знали пѣсни, такъ сказать, Мануилова цикла, но не могли примириться съ могуществомъ иноземнаго царя и потому на основаніи историческихъ указаній нашли возможнымъ противопоставить иноземной поэзіи свою собственную былину съ ея столь же узкимъ національно-эгоистическимъ отпечаткомъ, вслѣдствіе чего эг ческій элементъ повѣсти заслонилъ собою ея историческую правду. Новое указаніе на слѣды такого эпоса въ XII вѣкѣ мы находимъ и въ другихъ памятникахъ: «Его же имени (Владимірова) трепетаху вся страны» [3]; «1212 имени Всеволода токмо трепетаху вся страны» [4]; отъ русскихъ князей съ Игоря до Всеволода Юрьевича «вси страны трепетаху, ближніи и дальніи, и сами греческіи царіе вси повиноваху ся имъ» [5]; князья Ингоревичи въ первой половинѣ XIII вѣка «во всѣхъ странахъ славно имя имяша, къ греческимъ

---

[1] Если въ Густынской лѣтописи и Синопсисѣ и появляется Алексѣй Комнинъ съ письмомъ къ Владиміру Мономаху, то это уже поздняя историческая справка (П. С. Р. Л. II. 290).

[2] П. Р. С. Л. III. 211.

[3] Рук. Общ. Люб. Др. Письм. F. CXC. л. 48 об.

[4] П. Р. С. Л. I. 184.,

[5] См. мое Описаніе рукописей Импер. Общ. Люб. Древн. Письм., стр. 114.

царямъ велику любовь имуща и дары отъ нихъ многія взимаша»[1]. Въ народной повѣсти центральное мѣсто занимаетъ Владиміръ,— онъ на первомъ планѣ стоитъ и въ разбираемомъ Словѣ. «Въ XV—XVI вѣкахъ, говоритъ И. Н. Ждановъ, извѣстно было на Руси народно-поэтическое сказаніе о войнѣ князя Владиміра съ Греками, но древняя былина объ этой войнѣ не дошла до насъ въ ея первоначальномъ видѣ» [2]. Теперь мы можемъ сказать, что уже въ половинѣ XIII столѣтія въ историческую поэму занесено было народное представленіе о трепетѣ греческаго царя передъ мощью нашего Мономаха, а собственнаго сказанія о войнѣ все еще нѣтъ, да и найдется ли?

Послѣ восхваленія красоты и могущества Руси, авторъ переходитъ къ современному ея состоянію и говоритъ: «А въ ты дни болѣзнь крестияномъ отъ великаго Ярослава и до Володимера и до нынашняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерскаго». Подъ болѣзнію, какъ кажется, слѣдуетъ понимать междоусобія удѣльной системы, оказавшіяся столь гибельными во время татарскаго нашествія, когда оробѣли князья и люди. «1236 солнце погибе по всей земли»; [3] «1237 створися велико зло Суждальской земли, яко же зло не было ни отъ крещенья, яко же бысть нынѣ»; [4] въ Моленіи Даніилъ писалъ: «Боже, воздвигни князя, убуди бояръ, умножи силу князю нашему, укрѣпи бо ны и утверди лѣнивыя, вложи ярость страшливымъ въ сердцы»; [5] Серапіонъ

[1] Временникъ, XV. 21.
[2] Ж. М. Н. Пр. 1891. X. 354.
[3] П. С. Р. Л. IV. 30, 354.
[4] П. С. Р. Л. I. 197; III. 52.
[5] Слово Даніила Заточника, изд. И. А. Шляпкина: Пам. Др. Письм. 1889, вып. LXXXI.

Владимірскій съ церковной каѳедры говорилъ: «княжій нашихъ, воеводъ крѣпость ищезе; храбріи наши страха наполъньшеся бѣжаша; мьножайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною поростоша и величьство наше смѣрися; красота наша погыбе; богатство наше онѣмь въ корысть бысть; трудъ нашь погании наслѣдоваша; земля наша иноплеменникомъ въ достояніе бысть; въ поношеніе быхомь живущіимъ въскраи земля нашея; въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ». [1] Тогда солнце погибло, говоритъ лѣтопись; тогда красота наша погыбе, говоритъ Серапіонъ. Но то, что кратко записано другими, должно было быть подробно разсказаннымъ въ «Словѣ о погибели рускыя земли». А на этомъ интересномъ мѣстѣ и обрывается нижеслѣдующій памятникъ.

---

[1] *Е. В. Петуховъ*: Серапіонъ Владимірскій. Спб. 1888, стр. 8 въ приложеніи.

олово ѿ погибели роускыи̑ земли

ѿ смерти велико҃ кнѧзѧ ꙗрослава:-

О свѣтло свѣтлаꙗ и оукрасно оукрашена землѧ роуськаꙗ! и многыми красотами оудивлена еси: озеры многыми оудивлена еси, рѣками и кладѧзьми мѣсточс҃тьными, горами кроутыми, холми высокыми, доубравоми чс҃тыми, польми дивными, звѣрьми раз-

---

[3] *Украсно украшена.* Народное пѣсенное выраженіе, соотвѣтствующее выраженію „хорошо изукрашено“ (Кирша 29).

[4] *Красотами удивлена.* „Украсить красотами“ и „украсить дивно“— выраженія употребительныя (П. С. Р. Л. II. 202, 221; I. 184), но „удивить красотами“—выраженіе, котораго не приходилось встрѣчать въ древней письменности.

[6] *Кладязьми мнсточестьными.* Едва ли не идетъ здѣсь рѣчь о тѣхъ мѣстныхъ святыхъ колодцахъ, которые знаетъ наша народная словесность, начиная съ пословицы „не плюй въ колодецъ“.

[7] *Дубравоми чистыми.* Ясно прежде всего, что опредѣлительныя стоятъ здѣсь позади своихъ опредѣляемыхъ, но въ такомъ случаѣ на примѣрѣ „дубравъ чистыхъ“ мы наталкиваемся на неясность, дисгармонирующую со всѣми данными былинъ, пѣсенъ, поэмъ и лѣтописей, гдѣ „чистый“ прилагается къ полю и „разный“ къ птицамъ (Кирша 367: «слеталися птицы разные»). Казалось бы, можно перемѣнить знаки и читать... *высокыми дубравоми, чистыми польми...*; кажется „высокая дубрава“ все же понятнѣе, нежели „дубрава чистая“. У насъ пѣли: „сбѣгалися звѣри дубравые“ (Кирша 367); „Не шуми

морем, ѿ моря до болгарь, ѿ болгарь до боуртас, ѿ боуртас до чермис, ѿ чермис до морьдви,—то все покорено было Богом крстияньскому языкоу

же есть частица, свидѣтельствующая о южномъ вліяніи на памятникъ, встрѣчающаяся ниже и небезызвѣстная и въ другихъ древнихъ памятникахъ; а имицы суть вѣроятно *Емчане* (но не Емь), народецъ, жившій въ области рѣки Емцы и Двины. См. Лербергъ: Изслѣдованія по русской исторіи. Спб. 1819, стр. 91.

[1] *Дышючимъ моремъ.* Понятія о дышущемъ морѣ встарину были, что и понятно, весьма сбивчивы. Новгородскій архіепископъ Василій (1331—1352) въ посланіи къ епископу Тверскому Ѳеодору о Раѣ помѣщалъ его гдѣ-то на христіанскомъ востокѣ: „много дѣтей моихъ Новогородцевъ, писалъ онъ, видоки тому: на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка смоляная (молненая) Моргъ, и что вода входитъ въ преисподняя и паки исходитъ трижды днемъ“ (Буслаевъ: Христоматія[2], 175). Авторъ Задонщины (см. выше) полагалъ дышущее море за татарами, а здѣсь предполагается Сѣверное Ледовитое или Бѣлое море.

[2] *Болгарь.* „1184 Болгаре выслалися бяху къ Всеволоду съ миромъ“ (П. С. Р. Л. I. 165); разбиты въ 1220 году (Лѣтопись Лаврент. 1872, стр. 422).

[3] *Буртас.* Сосѣдство Буртасъ съ Волжскими Болгарами засвидѣтельствовано всѣми памятниками—отечественными и восточными (напр. Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Спб. 1870, стр. 103, 219 и пр.). Свѣдѣнія о Буртасахъ собраны въ брошюрѣ А. Ѳ. Селиванова въ Пензенск. губ. вѣдом. за 1889 годъ.

[4] *Чермис.* Они жили „по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу“, или по изслѣдованіямъ, въ области Волги на востокъ отъ Мери и къ сѣверу отъ Мордвы (Барсовъ, 40, 55); „1184 Всеволодъ перешедъ черемисанъ“ (П. С. Р. Л. I. 165).

[5] *Морьдви.* „1226 посла великый князь Гюрги Святослава, Ивана, брата свою, на Мордву, и побѣдиста Мордву и взяста нѣколико селъ и възвратистася съ побѣдою“ (П. С. Р. Л. I. 190); 1228 Юрій, Ярославъ, Василько, Всеволодъ и др. „идоша на Мордву—въ землю Мордовскую, Пургасову волость, пожгоша жита и потравиша, и скоты избиша, полонъ послаша назадъ,. а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя, въ тверди, а кто не вбѣглъ, тѣхъ избиша. Ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва даше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша и княземъ нашимъ не бысть кого воевати“... (I. 191—192).

поганьскыи страны великомꙋ кн҃зю всеволодꙋ, ѿцю его юрью кн҃зю кыевьскомоу, дѣдꙋ его володимерꙋ и мана[ма]хꙋ, которымъ то половоци дѣти своя ношахꙋ к колыбѣли, а литва из болота на свѣтъ не

---

[1] *Великому князю Всеволоду, оцю его Юрью князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и Мана(ма)ху.* Ср. „1194 у благовѣрнаго и христолюбиваго князя Всеволода, сына Гюргева, внука Володимеря Мономаха“ (П. С. Р. Л. I. 173).

[2] *Половоци дѣти своя ношаху въ колыбѣли.* Ср.: Князья Ингоревичи были „Половцомъ грозны“, „съ погаными Половцы часто бьяшася за святыя церькви и за православную вѣру, а отчину свою отъ супостатъ безъ лѣности храняща..., и ласкою своею многихъ отъ невѣрныхъ царей дѣтей ихъ и братію къ собѣ принимаста и на вѣру истинную обращаста“ (Сказанія о пришествіи Татаръ на Рязань, объ образѣ Николы Зарайскаго: Временникъ, XV. 21); „1256 Ятвязи се послаша послы своя и дѣти своя и дань даша, и обѣщевахуся работѣ быти ему и городы рубити въ землѣ своей“ (П. С. Р. Л. II. 194). Но можно вм. „ношаху“ читать и „страшаху“; ср.: Романъ Мстиславичъ Волынскій († 1205) „бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху“ (II. 187); „начаша жены Моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуще: Александръ ѣдетъ“ (V. 5 и проч.). Отношеніе Половцевъ къ Мономаху такое: „(Романъ Галицкій) ревноваше дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя Половци, изгнавшю отрока во обезы за желѣзная врата:... пріемши землю ихъ всю и загнавшю окаянныя Агаряны“ (II. 155). Если Половцы, подобно Ятвягамъ, приносили дань Владиміру (Роману) въ видѣ дѣтей, то объясненіе этого можно найти въ пѣснѣ и игрѣ „Воротарь“ (изданія ихъ указаны у Жданова: Ж. М. Н. Пр. 1890. IV. 288). Одинъ хоръ съ ребенкомъ (варіантъ: съ медомъ) въ видѣ дани подходитъ къ другому и проситъ пропустить въ городъ къ Роману, называя себя княжими слугами. Весьма вѣроятно, вопреки Жданову, что это Половцы, приносшіе Роману дань въ видѣ ребенка въ знакъ покорности и называющіе себя поэтому княжими слугами.

[4] *Литва изъ болота на свѣтъ не выникываху.* Ср. „Которѣи же гражане выйдоша изъ града и бьяхуться ходяще по Римьскому (?) болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша“ (П. С. Р. Л. II. 133); „1262 Литва же не

вынимывахꙋ, а оугры твердахꙋ каменый городы желѣзными вороты, абы на них великый володимер тамо не въсѣхал. а нѣмци радовахоуся, далече коудоуче за синимъ моремъ; коуртаси, черемиси, вяда и мордва бортьничахоу на князя великого воло-

---

стервѣвше устремишася на бѣгъ, и не бысть лѣ утечи, обшило бо бяшеть озеро около" (II. 200); „1281 стрѣлы ратныхъ не дадяхуть ни вынинкнути изъ забороль" (II. 210).

[1] *Угры твердяху каменыи городы желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимеръ тамо не въсъхалъ.* Въ 1152 году Владимірко Галицкій не допустилъ Угорскаго короля Гейзу II войти въ его землю и „выступиша назадъ за твердь ста" (П. С. Р. Л. I. 145; ср. II. 61); твердь эта должна находиться около Перемышля (Барсовъ, 271). Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" (изд. Буслаева 102, изд. Тихонравова 8—9): „Галичкыи Осмомыслѣ Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плъки; заступивъ королеви путі, затворивъ Дунаю ворота". Выраженіе „вороты у города желѣзные" обычное въ пѣсняхъ (Кирша 51); о Желѣзныхъ воротахъ см. также выше.

[3] *Нѣмци радовахуся, далече будучи за синимъ моремъ.* Синее море— общее названіе всякаго моря; такъ называется иногда Каспійское море (Хвалынское: Кирша 343), иногда Черное (Слово о Полку Игоревѣ, изд. Тих. 7, Бусл. 101; Кирша 101); здѣсь предполагается море Нѣмецкое или Балтійское съ его Ригою и Готскимъ берегомъ, состоявшими съ 1229 года въ торговомъ союзѣ со Смоленскомъ. Подъ Нѣмцами здѣсь разумѣются, какъ кажется, Шведы, которыхъ и лѣтопись въ XIII столѣтіи именуетъ также Нѣмцами (П. С. Р. Л. III. 64).

[4] *Вяда.* Поселенія Води, Вожанъ простирались первоначально отъ Финскаго побережья и Наровы на югъ къ Ильменю и за Ильменемъ, на востокъ ко Метѣ, откуда они были вытѣснены новгородскими славянами; родственный съ Весью, Чудской (Финскій) народецъ Водь русѣлъ очень медленно и еще въ XIII вѣкѣ не потерялъ своей этнографической особности (Барсовъ, 47, 77). Форма „Вяда" здѣсь только и встрѣчается.

[5] *Бортьничаху на князя великого Володимера.* „Княжи борти" упоминаются уже въ Русской Правдѣ, карающей разореніе пчелиныхъ ульй; бортническій промыселъ находился въ княжествахъ Кіевскомъ, Галицкомъ, у Древлянъ, Ятвяговъ, въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Жмуди, Псковѣ

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03037 8676